

Мармышев Валерий

Джулиан
Фостер

Валерий Мармышев

Джулиан Фостер

«Издательские решения»

Мармышев В.

Джулиан Фостер / В. Мармышев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506766-1

Эта книга — о человеческой доброте в трудные времена. О бескорыстной помощи в кругу страха и безразличия. О жертвенности и сочувствии. Об ответственности и решительности. Эта книга — о Джулиане Фостере.

ISBN 978-5-00-506766-1

© Мармышев В.
© Издательские решения

Содержание

Смерть первая	6
Смерть вторая	8
Смерть третья	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Джулиан Фостер

Валерий Мармышев

© Валерий Мармышев, 2020

ISBN 978-5-0050-6766-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Смерть первая (Я)

– Что за бред? – воскликнул Джонатан Фешер, мой товарищ, прочитав написанный мною набросок статьи для богом забытой газетёнки Fishtown Daily. – Твой редактор совсем что ли рехнулся? Зачем он попросил тебя написать это? Джулиан, сколько ты еще будешь киснуть в этой конторке?

Молодой человек, сидящий напротив такого же молодого, бородатого и возмущенного статьей Джонатана Фешера – это я, Джулиан Фостер. Хотел бы я дать себе красочное описание и перечислить список моих невероятных литературных достижений, чтобы все те, кто это читает, заинтересовались автором и уверились, что впереди их ждет что-то особенное и неповторимое. Но, нет. Перед вами просто Джулиан. Молодой, не урод, что уже можно считать комплиментом, полный надежд на успешное будущее, и совершенно не понимающий, с чего начать. Одежда в нормальном состоянии, глаза сонные и покрасневшие от ночного недосыпа из-за той самой статьи, которую только что так высоко оценил мой товарищ.

– Ну, он попросил написать что-нибудь юмористическое, что мне оставалось делать? – попытался я реабилитировать свой провал перед другом.

– Ты же умный парень, почему тебе вечно не удается устроиться в какую-нибудь дурацкую фирму, чтобы заниматься всякой ерундой? – не унимался Джонатан. – Официант, дружище! Принеси-ка мне еще бокальчик пива! – любезным тоном обратился он к парню в фартуке.

– Может мне стоит поискать перспектив там, где работаешь ты? – пошутил я. – И вообще, не слишком ли ты много пьёшь? Тебе же скоро в море.

– Джулиан, дорогой мой, если бы ты видел, что вытворяет с нашим судном пьянчуга-капитан – ты бы никогда не ступил на борт трезвым. Ни одного корабля!

– Жалкое оправдание! – фыркнул я.

– Я тебе серьезно говорю! – начал злиться Джонатан. – Вот тебе случай! Однажды мы в последнюю секунду успели избежать столкновения с теплоходом. А попали мы с ним на один курс только потому, что капитан, на пьяную голову, решил догнать чертову чайку, которая нагадила нам на палубу!

Я прыснул от смеха, чуть не пролив на себя свой горячий чай с лимоном.

– Ты это серьезно? – выдавил я из себя через сумасшедший хохот.

– Посмотри на меня, – уже улыбаясь, произнес Джонатан, – разве может этот серьезный человек солгать своему лучшему другу?

– Нет, разумеется, нет, – ответил я.

– Так то! – сказал он, залпом осушая оставшуюся половину бокала. – Эх, дружище! Пора мне. Рад был повидаться!

– Я тоже был рад, – кое-как справившись со смехом, сказал я в ответ.

Он встал, отвесил нелепый поклон и направился к двери морской, покачивающейся походкой.

Допив свой чай и пару раз хихикнув над рассказом Джонатана, я встал, заплатил официанту и, махнув на прощание бармену, вышел из бара. На улице все было завалено снегом, и дул сильный порывистый ветер.

– Почему в этом городе всегда так холодно! – подумал я. – А, и пёс с ним!

Укутавшись поплотнее в пальто, я побрел домой, думая о написанной статье и своих перспективах.

Пустынные улицы и перекрестки изредка посещали автомобили, оставляя за собой свежие колеи, которые тут же заметало снегом. Подойдя на один из таких перекрестков, я остано-

вился, ожидая, когда загорится пешеходный светофор. Слева от меня, на остановке, с радостными возгласами, продрогшие люди загружались в прибывший автобус. Когда погрузка закончилась, автобус, буксуя на обледеневшей дороге, начал набирать скорость. В этот момент мощный порыв ветра едва не сбил меня с ног: я вовремя успел ухватиться за столб светофора. Что-то промелькнуло справа от меня. Оглянувшись, я увидел девушку, лежащую на снегу с широко распахнутыми от ужаса глазами. Ветер вырвал из её рук коляску с младенцем и та, промчавшись мимо меня, перевернулась прямо на пути разгоняющегося автобуса. Плышался приглушенный воем ветра плач ребенка и свист тормозов автобуса. Я рванулся вперед, оскальзываясь на обледеневшей дороге, и схватил беспомощный сверток с ребенком. С надвигающимся рокотом машины пришло осознание невозможности избежать удара скользящего автобуса, и, я принял единственно верное решение, – бросить малыша в огромный сугроб свежего снега, нанесенного на тротуар. Едва беспомощный сверток коснулся белоснежного покрывала, как огромный металлический монстр влетел в меня, нанося свой сокрушительный удар. Так я умер в первый раз.

И что же дальше? Дальше была просто тьма. Я блуждал в ней в поисках лучика света, силясь нащупать верный путь к нему. В моем сознании мелькали образы, постепенно оформляясь в мысль. Мысль о том, что череда, казалось бы, несвязанных событий, привела меня к смерти. Появилось осознание, что для меня значит смерть – это всего лишь способ найти людей, нуждающихся в моей помощи, и спасти их, чего бы мне это не стоило. Это было моим предназначением.

Смерть вторая (Отцовская любовь)

Обезумевший ветер срывал покровы снега с вершин гор и с ужасающим ревом засыпал город у их подножия. Буйство ненастной погоды продолжалось уже неделю, давя на головы людей тягостными мыслями, печалью и тревогой. Выходить из домов в такое жуткое время, не зная города, – верная смерть. То тут, то там появлялись «дома призраки», образованные наметаемым в громадные сугробы снегом. Городок непрестанно менял свое обличие.

Именно в такое время остро ощущается скука. Некоторые, не выдерживая этого погодного гнета, выходили убирать перед своими покосившимися деревянными домиками сугробы, которые возвращались на прежнее место через пару часов, и всё повторялось вновь. Та же безостановочная и бессмысленная церемония проводилась и на небольшом военном аэродроме, вокруг которого многие годы обстраивался городок. Люди с лопатами играли в снежки с ветром, в попытках очистить взлетную полосу, на случай, если какой-нибудь самолет запросит аварийной посадки. Их усилия были напрасны – в наушниках диспетчера были слышны лишь треск и шум сигнала. Ни один глупец не будет совершать полёт в таких погодных условиях. Даже самые буйные и пьяные головы вжимались поглубже в плечи от такой безумной идеи.

В просторных ангарах ленивые механики занимались кто чем: кто-то, громко выкрикивая в пылу азарта, играл в карты, некоторые спали в салонах самолетов или, сидя на потрепанных диванах, смотрели на буйство метели, под звуки музыки, доносившейся из хрипящего радиоприемника. Самые ответственные и трудолюбивые копошились в двигателях, но, через время, неистово ругаясь, отбрасывали инструмент и уходили пить горячий чай. Те, кто не переносил одиночества, несмотря ни на что, шли в единственный в городе бар, чтобы выпить с кем-нибудь по кружке пива и поболтать.

Что-то этим вечером подтолкнуло и меня выйти из дома и отправиться в бар. Я не боюсь одиночества, даже можно сказать обратное – я ищущ его. Неделю я просидел дома, читая книги, слушая радио и делая гимнастические упражнения. Иногда я выходил на улицу, чтобы сходить в магазин за едой, и попутно закупал продукты для моего дальнейшего путешествия. Я работаю журналистом и частенько бываю в разных отдаленных уголках страны, наблюдая за образом жизни людей, записывая беседы с ними, их истории, впечатления и делая фотоснимки. Когда-нибудь, я надеюсь, это поможет мне написать книгу о моих странствиях.

Сидя в баре, я наблюдал за людьми: как они разговаривают, смеются, о чем говорят, как относятся к своей жизни. Я сидел и попивал свой сладкий горячий чай. Между прочим, это был первый бар, в котором никто не удивился моей просьбе получить горячий чай, даже больше, бармен-хозяин бара вежливо спросил, сколько сахара добавить и не нужно ли мне еще чего-нибудь. Я сидел за столом и поглядывал на дрожащее от каждого резкого порыва ветра оконное стекло. В этот момент дверь распахнулась, и на пороге появился человек, весь облепленный снегом. Честное слово, если бы его не освещала лампа у входа, то я бы верно подумал, что дверь распахнуло порывом ветра, настолько он сливался с видом на улице. Ничего удивительного в этом появлении не было: люди постоянно заходили и уходили, если бы не странное изменение, произошедшее за столами. Разговоры как будто приглушили. Люди оборачивались на пришедшего, а когда поворачивались обратно, на их лицах появлялось чувство вины, сострадания и печали.

Вошедший был мужчина средних лет с черными как смоль волосами. Средний рост, широкие плечи и осанка с появившейся, судя по всему недавно, небольшой сутулостью, придавала ему одновременно мужественный, отважный и в тоже время немного жалкий вид. В лице его не было ничего особенного, только бросалась в глаза глубокая морщина печали, образовав-

шаяся на его лбу. Взгляд был серьёзный и целеустремленный. Не было похоже, что он зашел сюда просто выпить и скоротать время.

Мужчина подошел к бармену.

– Греджерс, мне нужна пара бутылок спирта и консервы, все что у тебя есть, пожалуйста, – произнес его приятный голос с небольшой хрипотцой.

– Здравствуй, Хёвард, – ответил бармен, немного растерявшись и озираясь вокруг. – Дружище, извини за любопытство, но зачем тебе столько провизии?

– Я собираюсь пойти туда, – ответил Хёвард.

– Туда, сейчас!? Один!? Но это же верная смерть! – воскликнул бармен.

– Просто продай мне товар, – произнес Хёвард ледяным тоном.

– Извини, друг, но я не могу позволить тебе отправиться туда. Я не продам тебе то, что ты просишь.

Я видел, как на лице незнакомца заиграли скулы, глаза яростно сверкнули. Не сказав больше ни слова, он развернулся и, пинком открыв дверь, растворился во вьюге.

В баре повисла тишина, нарушаемая только завыванием бури, звучащей еще громче из-за распахнутой двери. Многие смотрели на бармена и одобрительно кивали ему головой. Постепенно разговоры приобрели ту же звучность, что и прежде.

Совершенно не понимая произошедшего, я подошел к бармену и спросил его:

– Дружище, а что за беда приключилась с этим мужчиной...

– С Хёвардом? – прервал меня бармен, радуясь, что может хоть с кем-то поговорить, очистив себя от чувства вины. – У него четыре дня назад сын пропал. Он у него летчик. Совершал полет через перевал. Пытался доставить лекарства в другой город, да так и пропал. Летел, понимаешь, летел, а потом раз – и замолчал. Ни слуху, ни духу. На сигнал диспетчера не отвечает.

– И что же? Искали?

– Пытались. Да неужто по такой погоде пойдешь далеко, а лететь и того хуже. А парень славный был, герой, и сердцем добрый. Девоньку себе в невесты славную нашел. Людям всегда был рад помочь. Вот этим вот летом, – начал рассказывать бармен, увлекшись, – у одного из моих друзей домишко-то загорелся, так он мало того, что успел помочь утварь повибрасывать из огня, сам чуть не опалился, так потом еще помог дом возвести за неделю, до дождей. По пять часов в сутки спал, вставал и сразу за инструмент брался. Эх! Славный малый, славный...

– Жаль его. А что же он в такую погоду да в полет?

– Я ж и говорю, добрый он. Детишкам, в городе за хребтом, лекарства очень нужны. Повымирают бедняжки без них. А мы ближе всех, вот он и вызвался.

– И шансов спастись у него не было?

– Погляди в окно, дружище, и так всё ясно.

Да, думаю это тот момент, ради которого я здесь. Нельзя терять времени. Я купил две бутылки аквавита, расспросил бармена, как мне отыскать Хёварда, и, попрощавшись, сразу же пошел по указанному адресу.

Добравшись туда через весь город, я, с трудом преодолев громадный сугроб, постучал в крепкую деревянную дверь. За ней послышались медленные шаги и лязг запора. Между нашими встречами прошло всего полчаса, но человек, стоявший теперь передо мной, был совершенно другим. Сутулость приобрела ярко выраженную форму дуги, веки с трудом открывались наполовину, лицо приняло сероватый оттенок, как будто страдания вытянули из него всю жизнь. Хёвард силился изобразить на лице вежливо-вопросительное выражение, убрав с него безразличие, а губы едва вздрогнули в попытке что-то произнести, но, будто обессилев, так и остались в виде прямой линии. Понимая, что сейчас испытывает этот человек, я молча протянул ему две бутылки аквавита и сказал:

– В пять часов утра будьте готовы и ждите меня за баром. Я иду с вами на поиски вашего сына. У меня есть палатка и необходимые припасы. Оденьтесь тепло и не забудьте карту и компас.

Видя замешательство в его взгляде я добавил:

– Я серьезно. Я иду с вами. Остальное после.

Собрав всё необходимое, я отправился к обговоренному месту. Хёвард уже ждал меня там. Теперь это был статный, мужественный и решительный человек. Подобная перемена поразила меня еще сильнее, чем две предыдущие. Мы обменялись рукопожатиями, и он, пристально посмотрев мне в глаза, сказал:

– Я думал, вы не придете. Думал, всё это мне померещилось.

– Не померещилось, – улыбнулся я.

– Кто вы? И почему решили помочь мне?

– Меня зовут Джулиан Фостер. Сложно объяснить, почему я здесь, но я уверен, что ваш сын еще жив. Я не могу лишить его надежды и шанса выжить. Нам пора.

Мы сориентировались по карте. Хёвард отлично знал эти места, он был уверен, что самолет попал в сильные потоки воздуха, обтекающие вершину пика, в которые так легко угодить в подобных погодных условиях. В этом месте не раз падали самолеты. Еще раз оценив ситуацию, мы поняли: нам предстоит неблизкий путь, который займет не менее трёх дней.

Идти было тяжело. Снега намело столько, что мы постоянно проваливались в него по колено. Временами ветер дул с такой силой, что кого-нибудь из нас сваливало, и мы кубарем катились вниз. В один из таких моментов меня сбilo с ног, и я слетел по склону на метров шесть-семь. Встав, я не увидел ничего, кроме белизны снега. Я окликнул Хёварда. Оказалось, что он даже не заметил моего исчезновения. Чтобы больше такого не повторилось ни с кем из нас, мы решили двигаться, обвязавшись одной веревкой.

После полудня мы сделали привал, укрывшись в торчащих как зубья скалах. От постоянного воя ветра гудело в ушах, а глаза нестерпимо жгло от попадавших в них острых мелких снежинок.

Следующие несколько часов мы блуждали в этом ледяной мгле, каждые пятнадцать минут сверяясь с картой и компасом. Несколько раз нас сильно сносило в сторону от маршрута из-за метели и накопившейся усталости. К счастью, мы вовремя замечали ошибку и возвращались на курс.

К моменту, когда начало темнеть, мы едва волочили ноги. Пора было соорудить укрытие, которое мы выкопали прямо в снегу на склоне. Наевшись холодных консервов и расстелив палаточный брезент на полу нашей берлоги, мы мгновенно погрузились в глубокий и тревожный сон под мелодичные звуки поющей выюги.

Пробуждение было ранее и холодное. За ночь тепло наших тел немного нагрело воздух в берлоге, но этого было явно недостаточно, чтобы противостоять холоду промёрзшей толщине снега. Весь продрогший, я вылез из убежища, чтобы размять закоченевшее тело. Снаружи было морозно и солнечно. Под утро бурю отнесло чуть в сторону от нас, и горы приоткрыли перед нами часть своего величия. Громадный черно-белый массив каменных баррикад, следствие безжалостных сражений материков, освещали лучи утреннего солнца, бьющие единым потоком из-за наших спин, окрашивающие радужными цветами клубы тумана над долиной.

Я знаю, что порой меня осуждали за то, что в разгар тревожных событий, я замирал, любуясь красотой природы и творениями этого прекрасного мира. Да, где-то там, в снежной пыли и неизвестности, молодой парень цепляется слабой хваткой надежды за жизнь. Как могу я поступать так? Но я же человек. У меня есть душа, которая нуждается в прекрасном. За ней должно следить также, как и за телом, иначе она ослабнет, померкнет и заболеет, а заболев – умрет, оставив оболочку бессмысленно доживать отпущенное время, отправив скитаться

по миру в поисках воды и пищи. Дух необходимо питать – это дает ему силы двигаться дальше, и я очень надеюсь, что сын Хёварда видит сейчас эту красоту, и его решимость держаться не угасает.

Позавтракать мы решили на свежем воздухе.

– Кажется, буря снова направилась в нашу сторону.

– У нас есть всего пара часов, – сказал Хёвард, – чтобы добраться до леса. В нём буря будет слабее, и мы сможем продвигаться быстрее.

– Надо поторапливаться, – согласился я.

Быстро собрав свои вещи, мы незамедлительно выдвинулись в сторону леса.

Буря настигла нас на подходе. Гуляя по долине, она набрала мощь и стала еще яростнее хлестать нас порывами ветра. Мы вновь обвязались веревкой и кое-как добрались до леса.

Лес был густой, и в нём безумие непогоды теряло свою силу. Идти было и вправду легче, только надо было внимательно смотреть вверх, чтобы вовремя замечать падающие старые ветви. Было что-то тревожное в этом месте. С каждым шагом это чувство всё разрасталось и крепло, появляясь за спиной, пробираясь под одежду и обдавая тело потоками леденящего страха. Лицо Хёварда выражало то же беспокойство. Так мы и брели по лесу, покрытые снегом и тревогой.

– Стой, – прошептал Хёвард, медленно подняв руку и указывая куда-то влево от нас.

Моё сердце сжалось от страха. Там, куда указывал Хёвард, стоял волк. Нет, не один. Там была вся стая. С одним мы бы справились, но со стаей... Надеяться на то, что они пройдут мимо не было смысла. В такую погоду найти пищу нелегко, особенно ту, которая не сможет дать отпор. Из оружия у нас только ножи. В такой одежде нам не взобраться на дерево, тем более на сосны, которые росли вокруг нас. Оставалось только бежать. Вожак стаи уставился на нас, оценивая опасность. Рукой, движения которой не могли заметить волки, я медленно стал развязывать веревку, всё еще связывающую нас с Хёвардом. Расстояние между нами и стаей было значительное, но волк быстро и легко сократит дистанцию. Секунды сменяли друг друга. Скоро всё начнется. Вожак напрягся. Решение принято. Началось.

– Бежим! – Крикнул Хёвард, сорвавшись с места.

Не жалея сил, я рванул за ним. Позади был слышен волчий вой и прерывистое рычание. Они догоняли. Впереди наметился просвет и очертание склона. Это был обрыв, только я понял это слишком поздно. Я попытался остановиться, но оскользнулся и свалился вниз. Приземление было неудачное. Правой ногой, едва не вывернув её, я наткнулся на здоровенный валун заваленный снегом. Хёварду повезло еще меньше. Он так и не успел отвязать свой конец веревки и, падая, зацепился ею в трещине. Он завис где-то посередине обрыва, не в силах преодолеть тяжесть своего тела и веса рюкзака, чтобы что-нибудь предпринять. Волки замерли наверху, зло скуля и воя. Что же делать? Я огляделся кругом. Мы оказались на берегу реки. Нам необходимо перебраться на тот берег, только тогда у нас будет шанс спастись. Остается достать Хёварда.

– Надо же! Падающие ветви могут быть и полезными, – подумал я, схватив самую длинную, которая только оказалась рядом. Наскоро примотав свой нож ремнем к палке, я дотянулся до веревки и принялся пилить её. Руки дрожали от напряжения и усталости.

– Ещё немного, Хёвард, – крикнул я, – потерпи.

Наконец волокна веревки с треском оборвались, и Хёвард глухо упал на заснеженный берег. Послышался вой и хрип разъяренного волка. Кажется, кто-то из стаи догадался найти спуск. На берегу показалось несколько хищников. Не медля ни секунды, я схватил обессиленного Хёварда за шиворот и, что есть сил, рванул, таща его в воду. Тело обдало огнем, плывущие по поверхности реки маленькие льдинки врезались в ноги, причиняя жуткую боль. Воды было по пояс. Волки сюда не полезут. Уклоняясь от больших тяжелых льдин, которые с легкостью могли затянуть под себя, лишив шанса выбраться из воды, и преодолевая течение, мы, наконец,

добрались до берега и, не теряя времени, побежали за поворот реки, чтобы скрыться из поля зрения хищников. За поворотом нам посчастливилось обнаружить расщелину между двух массивных валунов. Скинув с себя всю мокрую одежду, я начал собирать хворост, а Хёвард достал из рюкзака огниво и припасенную растопку. Мы оба знали, что делать, только благодаря этому через пять минут после побега от стаи перед нами, приятно потрескивая, горел костер.

– Мы везунчики, — пробормотал я, стуча зубами. Хёвард кивал головой, смотря на огонь.

– А что, если волки... — начал он.

– Нет, — твердо сказал я, — он еще жив.

Хёвард посмотрел на меня с благодарностью. Развесив сушить одежду, мы приступили к осмотру наших ран. Падая, я поломал себе два пальца на правой ноге. Теперь я чувствовал всё нарастающую пульсирующую боль. Крепко перетянув и зафиксировав их я надел ботинок. У Хёварда оказалось сильное рассечение голени. Очистив и протерев края раны жидкостью из уцелевшей бутылки аквавита, я аккуратно зашил её и перевязал.

К вечеру вещи высохли, и, надев их, мы легли спать. Идти было уже бессмысленно.

Наутро, озабоченные вчерашней стычкой с волками, мы поели, молча собрали вещи и, хромя, уныло побрели дальше. Идти осталось немного, отчего сердце наполнялось тоской. Что мы там увидим?

Когда мы подошли к краю леса, как бы сжалившись над нами, буря утихла. Туман рассеялся, выглянуло солнце, и перед нами расстелилось снежное пространство, упирающееся в кромку хребта. На его склоне лежали два куска самолета, едва различимые из-за выпавшего снега. Не помня о боли, мы в какие-то десять минут преодолели расстояние от леса до фюзеляжа самолета. Настал момент, которого мы так ждали и боялись. Внутри всё наполовину было занесено снегом. В глубине корпуса виднелась баррикада из разломанных ящиков, сетки и прочего хлама. Откуда-то из-за неё раздавался приглушенный кашель. Доковыляв туда, мы увидели молодого парня, накрытого разорванным брезентом. Его куртка была сильно изорвана, лицо исхудало, глаза закрыты, и только слабое облачко пара, вырывающегося из его рта, доказывало, что он жив.

– Генри! – Выдохнул Хёвард. – Сынок мой! Ты жив! – Из его глаз потоком хлынули слезы.

– Па-п-па? – Слабо прошептал парень.

– Да, сынок, я здесь, я вытащу тебя отсюда! – Воскликнул он, обнимая сына.

– Я схожу за дровами, — сказал я Хёварду, положа руку на его плечо. — Осмотри его и постарайся согреть.

– Парень в плохом состоянии, — подумал я, идя к лесу. С собой я прихватил палаточный брезент и нож Хёварда, мой так и остался на той палке в лесу. Насобирав как можно больше дров, я потащил их обратно. Где-то у подножия гор снова собиралась буря. Такого ужасного фронта я ни разу не видел в своей жизни. Это было плохой новостью. В самолёте, с трудом проделав дыру в потолке наподобие дымохода, я разжег костер.

У Генри была сломана правая нога и левая рука. Ходить он не мог. После того, как мы напоили его и накормили горячей едой, Генри пришел в себя и смог кратко, полушепотом, поведать нам свою историю.

Это был тяжелый вылет. Самолет плохо слушался и едва держался в воздухе с самого момента отрыва от земли. Примерно через двадцать минут полета, в салоне раздался треск. Генри проверил приборы: все в норме. Отстегнул ремни и, привстав, заглянул в салон. Резкий толчок развернул нос самолета, затем удар сверху и самолет просел под тяжестью неба. Генри отбросило в хвост машины, прямо на ящики. Раздался надрывной рёв мотора, затем последовал удар о землю. В одночасье крылья и переднюю часть самолета оторвало, а фюзеляж потащило вниз по склону. Генри потерял сознание, а очнувшись, сумел соорудить лишь такое убежище.

К концу его рассказа буря разыгралась с новой, неистовой силой. Пришло время поговорить о главном. Генри ранен и болен – идти он не сможет. Мы с Хёвардом тоже еле ходим. У нас есть еда и запас дров – это хорошо, но для похода ресурсов маловато. К тому же нет теплой одежды для Генри. В такую погоду он замерзнет, а эта буря, судя по всему, продлится долго. Еще одна проблема – волки.

– Придется ждать тут, – прошептал Генри. – Хотя в кабине есть рация. Я думаю, она еще может работать.

– Далеко, – заметил Хёвард, – идти туда верная смерть.

Он был прав. Я вызвался сходить за дровами, пока буря еще не набрала всю свою мощь. Хёвард хотел пойти со мной, но я сказал, что ему лучше позаботиться о сыне.

Генри был совсем плох. Ему нужна была теплая одежда, взамен испорченной. Пока шёл, я оценил склон, где лежала кабина. Да, Хёвард прав. В такую погоду можно замерзнуть насмерть или потеряться. Риск очень велик. Но я точно знал, как нужно поступить.

Вечером, когда все уснули, я снял свою куртку, верхний, самый теплый свитер, шерстяные носки и аккуратно сложил вещи возле Генри. Подкинув дров в костер и записав наши координаты на листке, я вышел на воздух.

– Свежо! – В шутку подумал я.

Запомнив направление на компасе, я быстро полез по склону в сторону кабины. В течение тридцати минут я карабкался, моля Бога, чтобы я не ошибся и не прошел мимо. Наконец, мои ботинки уперлись в металл обшивки. Светя фонариком, я проделал вход в кабину и нашел рацию. Щелчок кнопки, шум и треск в динамиках.

– Работает! – расхохотался я, вне себя от счастья.

Тело начинало медленно умирать от перенапряжения и холода. Пора отсылать сообщение азбукой Морзе.

– Координаты. Нас трое. Нужна помощь. Есть еда. Продержимся неделю.

Как болят руки! Голова трещит, сердце надрывно качает кровь.

– Координаты. Нас трое. Нужна помощь. Есть еда. Продержимся неделю.

Боль утихает. Не чувствую ног. Безумно хочется спать. Становится так жарко.

– Координаты. Нас трое. Нужна помощь. Есть еда. Продержимся неде.....

Смерть третья (Искатель)

Обожаю, надев свое любимое пальто и взяв в руку тросточку, прогуляться под нежным и тихим дождиком. Это самое прекрасное время. Город погружается в тишину, а звуки, возникающие то тут, то там, растворяются в легком тумане из дождевой пыли. Все кругом становится чище и естественнее, всё фальшивое смывается и уносится вместе с мусором по сточным канавам. Наверное, именно поэтому мало кто гуляет в это время – они боятся, что их тоже смоем.

В этот раз я снова вышел побродить по пустынным улицам. Я прошел по неширокой улице и свернул в переулок. Где-то посередине переулочка я замер, залюбовавшись радужными переливами на мокрой и блестящей от дождя, покрытой тонкой пеленой зеленого мха, кирпичной кладке старого дома. Это зрелище притягивало и вводило в приятное состояние задумчивости, которым, к слову сказать, люди слишком часто пренебрегают. Ко всем этим ощущениям примешивался приятный запах вечерней сырости, свежести дождя и прохлады.

Так, задумавшись, я прошагал через множество улиц и переулочков, время от времени останавливаясь и любясь какой-нибудь мелочью. Незаметно для самого себя, я очутился на Гарден-стрит. Пройдя немного по ней, я свернул в очередной переулок и замер. Прямо поперек переулочка, рядом с текущей из водосточной трубы струйкой воды, лежал человек. Как и полагается по правилам аристократии, я бы переступил пьянчугу и пошёл дальше, вот только он не был похож на бездомного или лодыря, скитающегося по улицам и выпрашивающего мелочь на выпивку. Его одежда, хоть и была потрепанной, всё же сохранила на себе следы благопристойного вида приличного гражданина. Это был молодой человек лет двадцати пяти с красивым лицом и небольшой щетиной. Несмотря на молодость, на его лице были заметны отпечатки перенесенных им страданий. Неожиданно он открыл глаза и посмотрел на меня. Такого взгляда я в жизни не видел. Он притягивал и окутывал некоей таинственностью. В нем хотелось раствориться. Не сказав ни слова, он снова сомкнул веки, прервав тем самым некую магию.

Несмотря на очарование дождливой погоды, она с легкостью могла погубить лежащего на мокром тротуаре человека. Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы поднять его и дотащить до ближайшей больницы. Там мне долго пришлось уговаривать персонал, чтобы незнакомцу, больше похожему на бродягу, чем на джентльмена, оказали помощь. Я убедил их, что он мой товарищ, который оказался в неприятной ситуации, а за дополнительную сумму они деликатно уклонились от необходимости интересоваться его именем и фамилией. Было приятно общаться с воспитанными и отзывчивыми людьми! Я попросил их провести все необходимые исследования, а как только они закончат – послать за мной кого-нибудь. Оставив им адрес, я вышел из больницы и направился к расположенному в нескольких домах отсюда заведению «Янтарная корона», которое принадлежало моему старому другу Фредди. Находясь в глубокой задумчивости от произошедших событий, я наугад выбрал блюдо из меню, после чего, не слыша вкуса, быстро все съел. В реальность меня вернула лишь чашка чая. Его боже-ственный аромат, поднимающийся легким дымком, с легкостью развеял мои думы. Обожаю этот чай. В своем заведении Фредди лично готовил его для меня. Только благодаря его таланту, он приобретал так любимый мной вкус и аромат...

– Пора подумать о деле, – решил я, ставя пустую чашку на блюдце.

А подумать было о чём. Судя по всему, этот молодой человек, имя которого мне пока неизвестно, и был тем самым моментом, ради которого я оказался здесь. Парень был в неважном состоянии. Не опоздал ли я? Чем именно или как я должен ему помочь?

– Всё это бессмысленно. Необходимо поговорить с ним, – решил я, – а пока пойду вздремну.

Помимо ресторана, у Фредди было несколько комнат, которые он сдавал на ночь лучшим его посетителям и друзьям. Одну из таких комнат Фредди любезно приготовил для меня.

– Спасибо за ужин и великолепный чай!

– Не за что, друг мой, не за что. Для тебя всё что угодно, дружище, – сказал он, улыбаясь.

– И, да, Фредди, за мной могут прислать. Пускай кто-нибудь разбудит меня немедленно, пожалуйста.

– Всё будет сделано. Приятного отдыха!

– Спасибо.

С Фредди мы познакомились при необычных обстоятельствах. Я совершал свою обычную прогулку по переулкам и проходил позади ресторана «Янтарная корона». В это самое время рабочие разгружали телегу с огромными винными бочками. В какой-то момент веревка выскользнула из рук рабочих, и бочка с грохотом покатила по переулку. Прямо на пути ее движения стояла девочка лет пяти, и, запуская какую-то бумажку в лужицу, увлеклась настолько, что не заметила надвигающейся с шумом угрозы. Я едва успел схватить девочку и отскочить с ней в сторону, как бочка с оглушительным треском разбилась, налетев на кирпичную стену. Как оказалось, я спас дочь Фредди. Вот так мы и познакомились с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.